

Шэнь Цинжань с покрасневшими глазами отстранился от груди Сюэ Фэйфэна и, заметив, что снова намочил его одежду, смущенно почесал щеку.

Кажется, он постоянно так делает: нарезав свиную шкуру, трется о Сюэ Фэйфэна, упав в грязную лужу — лезет обниматься, а промокнув под дождем — бросается на шею. Щеки Шэнь Цинжаня вспыхнули румянцем. И что это он вообще творит в последнее время?!

— Деньги — это дело наживное, что уж говорить о каком-то соломенном плаще, — глубокомысленно произнес Сюэ Фэйфэн. — Если ты не умеешь им пользоваться, то от него даже как от защиты от дождя толку нет. В следующий раз, попав в подобную ситуацию, просто выбрось его. Главное, чтобы ты сама благополучно добралась до дома.

Шэнь Цинжань с трудом повесил плащ сушиться на стену. У Сюэ Фэйфэна и правда слишком низкие требования к нему. Будь на его месте тетушка Чжан, она бы уже давно начала отчитывать его и учить, как правильно надевать эту штуку.

Но именно из-за того, что Сюэ Фэйфэн был к нему так добр, Шэнь Цинжань был готов стиснуть зубы и продолжать заниматься фермерством, как бы сильно он это ни ненавидел. Он никогда не строил иллюзий о том, что станет героем, спасшим миллионы жизней, но твердо знал: за каплю доброты нужно отплатить бьющим ключом.

— На кухне есть горячая вода. Как переоденешься, приходи, я вытру тебе волосы.

Сюэ Фэйфэн хотел было подняться, чтобы принести Шэнь Цинжаню горячей воды, но тот усадил его обратно в инвалидную коляску, жестом показав, что помощь не требуется.

Кухонная плита вмещала два железных котла, расположенных друг за другом; задний котел был поменьше. Шэнь Цинжань снял обе крышки, и за клубившийся белый пар мгновенно затуманил зрение.

Большой железный черпак для воды был больше его лица. Схватившись за деревянную ручку, Шэнь Цинжань начерпал горячей воды в стоящий рядом таз для мытья ног и с трудом поднял деревянную лохань.

Обычно, перенося воду, люди стараются держать таз подальше от тела, используя силу запястий. Но только не Шэнь Цинжань: он уперся дном таза прямо себе в живот и, с трудом обхватив его руками, перенес половину веса на себя.

Поставив таз у ног Сюэ Фэйфэна, Шэнь Цинжань тут же потянулся снять с него сапоги. Когда Шэнь Цинжаня не было дома, Сюэ Фэйфэн редко садился в инвалидное кресло. Сегодня же, когда он вернулся, Сюэ Фэйфэн опирался на костыли, собираясь пойти его искать, но зоркий глаз Шэнь Цинжаня заметил следы того, что коляской пользовались. Учитывая недавнюю дождливую погоду, он догадался, что старые раны Сюэ Фэйфэна снова дали о себе знать.

Промокший до нитки Шэнь Цинжань, совершенно не заботясь о себе, дрожал, а его губы побелели от холода. Разве мог Сюэ Фэйфэн позволить, чтобы в таком виде он мыл ему ноги?! В груди у него все сжалось. Он едва не вскочил, чтобы подхватить на руки этого маленького немого зверька, свернувшегося клубочком на полу, содрать с него насквозь мокрую одежду и закутать в теплое одеяло.

Но Шэнь Цинжань упрямо ухватил его за лодыжку, а другой рукой нежно погладил колено, беззвучно спрашивая: «Болит?»

Сюэ Фэйфэн мог вынести и боль от переломанных ног, и муки, подобные соскабливанию яда с костей, но только не мог вынести, когда Шэнь Цинжань так на него смотрела и так спрашивала. Там, где сидела на корточках Шэнь Цинжань, уже натекла лужа воды.

— Оставь меня в покое и иди в комнату переодеваться, — скомандовал Сюэ Фэйфэн. — Если ты сейчас же не встанешь и не переоденешься, не обессудь, я сам тебя переодену.

— Цинжань, будь послушный. — Великий генерал напустил на себя суровый вид, но в конце, как всегда, не смог удержаться от мягкой фразы.

Шэнь Цинжань пулей подскочил на ноги, проворно шмыгнул на кухню и набрал еще один таз воды. Сюэ Фэйфэн и так был достаточно пугающим, когда злился, а его угроза переодеть его собственными руками звучала и вовсе устрашающе.

У Шэнь Цинжана не было железного здоровья, а первоначальный владелец тела и вовсе был настолько хлипким, что его мог сдуть порыв ветра. Позавчерашнее падение в пруд и переохлаждение сделали свое дело, а прогулка под проливным дождем стала лишь последней каплей. На следующий день Шэнь Цинжань проснулся с сильной простудой. Хорошо еще, что он был немым, и без слов нельзя было понять, что он охрип. Сюэ Фэйфэн заподозрил неладное, лишь когда случайно коснулся его пылающего лба.

Шэнь Цинжань лежал с тяжелыми, слипающимися веками и вполуха слушал, как злится Сюэ Фэйфэн.

Да и как Сюэ Фэйфэн мог по-настоящему злиться? Он лишь сгорал от беспокойства, не в силах ничего поделать с этим несносным парнем. В его шкафу хранилась целая аптека на все случаи жизни — он, кажется, скупил весь сундук чудо-лекаря.

Сбить температуру было просто, но вот озноб никак не проходил. Конечности Шэнь Цинжана были ледяными, словно их держали в воде. Сюэ Фэйфэну ничего не оставалось, кроме как сесть в изножье кровати, прижать его стопы к своей груди и согревать их, пустив в ход внутреннюю энергию ци.

Этот дом строили на скорую руку, спустя рукава, так что отапливаемый кан в комнате был всего лишь бутафорией — он не был соединен с кухонной печью. Сюэ Фэйфэн твердо решил завтра же нанять каменщика и все переделать.

Шэнь Цинжань из-за болезни плохо соображал и напрочь забыл о своем статусе. Видя, как Сюэ Фэйфэн все сидит в изножье и греет ему ноги, он почувствовал угрызения совести, потянул его за собой на кровать и, откинув одеяло, укутал их обоих.

Вот так-то лучше. Сюэ Фэйфэн — это же настоящая живая грелка! Первоначальный владелец тела не любил двигаться, здоровьем не блистал, и каждую зиму его руки и ноги леденели. Одному богу известно, как он спал каждую ночь, свернувшись калачиком, с ногами холодными, как лед, которые никак не получалось согреть.

Шэнь Цинжань лежал спиной к Сюэ Фэйфэну и бессознательно жался к источнику тепла. Если бы не колоссальная выдержка великого генерала, он бы сейчас либо свалился с кровати под напором, либо развернулся и крепко сгрел Шэнь Цинжана в объятия.

Проспав какое-то время, Шэнь Цинжань пришел в себя. Внезапно осознав, что спит под одним одеялом с Сюэ Фэйфэном, он чуть не умер от разрыва сердца. Осторожно пошевелившись, он обнаружил, что Сюэ Фэйфэн ведет себя как истинный благородный муж: кроме того, что молча

излучал тепло, он к нему почти не прикасался.

Больше такого ни в коем случае не повторится!

На самом дне шкафа лежал плащ из норки. Подчиненные, увидев, что генерал взял с собой только грубую холщовую одежду, скрепя сердце сунули на дно дорожного узла ярко-красный плащ стоимостью в тысячу лян.

Спрятанный на самом дне, прибереженный для торжественного случая.

Сюэ Фэйфэн был без слов от этого вызывающе-яркого цвета и чересчур мягкого, легкомысленного материала. Он привык носить боевые доспехи и в грош не ставил подобные вещи. А вот для Шэнь Цинжана он сейчас подходил как нельзя лучше.

Лучше всего было бы закутать Шэнь Цинжана в пушистый колобок, чтобы он никуда не выходил и сидел дома, поправляя здоровье.

Но едва Шэнь Цинжаню стало чуточку легче, как он тут же начал требовать, чтобы его пустили сажать поле.

Сюэ Фэйфэн начал всерьез подозревать, что у того от температуры расплавились мозги. Еще недавно он со слезами на глазах кричал, что не хочет заниматься фермерством. Вот уж воистину — зажили раны, забылась и боль. Зато Сюэ Фэйфэн прекрасно все помнил. Он конфисковал у Шэнь Цинжана мотыгу и ни под какими уговорами не выпускал его из дома.

Шэнь Цинжань и представить себе не мог, что однажды главным препятствием на пути к фермерству станет не его собственная лень, а Сюэ Фэйфэн.

Шэнь Цинжань накинул ярко-красный плащ, который выгодно подчеркивал его алые губы и белые зубы. Он выглядел как молодой аристократ, вышедший на весеннюю прогулку. Воспользовавшись тем, что Сюэ Фэйфэн готовит еду, он выскользнул на улицу проветриться — за эти три дня он чуть с ума не сошел от скуки. Он огорченно пожаловался системе: «Сейчас я не могу сажать поле, но в этом нет моей вины».

Система: «Почему мне кажется, что в твоём голосе звучит самодовольство?»

Но так тоже продолжаться не могло. У Шэнь Цинжана неожиданно проснулась совесть. Вспомнив о пустующем курятнике во дворе, он вдруг загорелся идеей: «Вы ведь селекционная станция, и у вас нет строгих ограничений, что разводить можно только растения, верно?»

Система надолго замолчала. Обычные люди, столкнувшись с перспективой катастрофы через четыре года, сгорали бы от нетерпения скорее начать сеять. Когда человек при деле, ему некогда думать о всякой ерунде. И только ее носитель каждый день слонялся без дела.

Ее коллеги-системы, изучив психологию носителей, вывели определенную кривую развития: когда прогресс в земледелии достигает определенного уровня, в качестве награды и стимула для дальнейших свершений своевременно открывается станция животноводства.

В базовой программе не было прописано строгих правил открытия станции животноводства. Путем долгих наблюдений системы выяснили, что если скрыть эту возможность в начале, носители будут усерднее заниматься земледелием.

Ведь их главной целью была урожайность в десятки тысяч цзиней с одного му.

Ученые, разработавшие систему, проявили огромную заботу об одиноких соотечественниках, оказавшихся в иных мирах, и добавили бонус в виде станции животноводства. И это несмотря на то, что селекция животных в реальном мире не была столь актуальной проблемой, да и результаты от нее были не так заметны из-за невозможности массового разведения в масштабах, сравнимых с растениеводством.

Система сохранила хладнокровие: «Верно».

Хвостик Шэнь Цинжана радостно завилял: «Скорей открывай, дай посмотреть!»

На виртуальном интерфейсе стройными, бесконечными рядами выстроились всевозможные виды домашней птицы и скота. Шэнь Цинжань, у которого даже семена устойчивого к вредителям хлопка еще не проросли, по чистой случайности получил доступ к привилегиям раньше времени.

Аппетиты у Шэнь Цинжана разыгрались не на шутку: «Двадцать куриц, двадцать уток, вола, дойную корову, свиноматку...»

Система предупредила: «На животных, как и на растения, накладываются определенные ограничения. Вы должны лично кормить всех животных первого поколения. К тому же, корм вы должны обеспечивать самостоятельно».

Шэнь Цинжань мгновенно сник.

Другими словами, если он не будет сажать злаки, то ему нечем будет кормить тех же кур. Вся эта живность просто пустит Сюэ Фэйфэна по миру.

В итоге он выпросил у системы только одного вола для вспашки земли и одну корову, чтобы доить молоко.

Причина была до банальности проста: коровы едят траву.

Воздух на мгновение подернулся рябью, и в руках Шэнь Цинжана из ниоткуда появились две веревки, к которым были привязаны только что повзрослевшие вол и дойная корова.

И только в этот момент до Шэнь Цинжана с опозданием дошло: как ему теперь объяснять, откуда взялись эти животные?!

Две такие огромные туши!

Шэнь Цинжань вырвал из земли пучок травы и поднес его к коровьей морде.

«Система, а можно мне поменять их на куриные яйца? Те, из которых вот-вот вылупятся цыплята».

Система ответила отказом: возврат не предусмотрен.

Шэнь Цинжаню ничего не оставалось, кроме как, скрепя сердце, повести коров домой.

Сюэ Фэйфэн как раз собирался выйти на поиски Шэнь Цинжана, как вдруг увидел, что тот возвращается, ведя за собой двух коров.

— Откуда они?

Шэнь Цинжань с деловитым видом взял бумагу и кисть, и принялся медленно выводить иероглифы, выигрывая время на раздумья. В конце концов, решив, что терять нечего, он написал:

«Я только что встретил на перевале своего двоюродного брата. Моя матушка торопилась уехать, и перед переездом попросила его передать мне наших двух коров. Но у брата появились дела, поэтому он привел их только сейчас».

Двоюродный брат — отличная отговорка!

— И почему же ты не пригласила его зайти, посидеть? — с толикой сомнения спросил Сюэ Фэйфэн. Разве у Шэнь Цинжаня есть двоюродный брат? Да и если бы у матушки Шэнь и впрямь были две коровы, которых она хотела передать дочери, почему она не обмолвилась об этом во время их прошлой случайной встречи?

Шэнь Цинжань: «Ммм... Он сказал, что уже поздно, и если он сейчас же не отправится в путь, то не успеет вернуться в город до темноты».

Сюэ Фэйфэн вспомнил, что в деревне живет некий человек по фамилии Хуан, который много путешествует и за отдельную плату привозит односельчанам то, чего не достать в их краях. Вот только репутация у него была скверная — он частенько пользовался случаем, чтобы пофлиртовать и распустить руки, когда привозил лекарства местным женщинам и невесткам. Но во всей деревне только у Хуан-второго была лошадь, так что оборачивался он очень быстро. Случись какая хворь или срочное дело — поневоле приходилось обращаться к нему.

Сразу после Нового года наступала пора весенней вспашки. Желание Шэнь Цинжаня купить вола, чтобы облегчить себе труд на поле, было вполне понятным.

Сюэ Фэйфэн боялся лишь одного: что кто-то обидит Шэнь Цинжаня, а тот даже не сможет об этом рассказать. Поэтому он строго сказал:

— На первый раз прощаю. Но впредь никаких контактов с Хуан-вторым.

Хуан-второй? Шэнь Цинжань понятия не имел, кто это такой. Но было очевидно, что для улучшения их качества жизни подобная "помощь" потребуется еще не раз.

Двоюродному брату определенно придется появляться на сцене почаще. И тут Шэнь Цинжаня осенило: а что если выдумать невероятно крутого кузена? Как говорится, если один вознесется на небеса, то и его куры с собаками станут небожителями. Они с детства были не разлей вода, поэтому кузен его всячески балует и дарит всё, что душе угодно.

Шэнь Цинжань немного замаялся, а потом написал: «Какой еще Хуан-второй? Я его не знаю. Говорю же тебе, мой двоюродный брат невероятно красив, с пеленок отличается умом и ведет дела с небывалым размахом. Он сказал, что в следующий раз, когда приедет навестить меня, привезет еще и корзину раков!»

В следующий раз? Ну, главное, чтобы он "приезжал", когда Сюэ Фэйфэна не будет дома.

Расхваливая свою вымышленную персону, Шэнь Цинжань не скупился на эпитеты.

Сюэ Фэйфэн тайком сгорал от ревности. И откуда только взялся этот двоюродный брат на его голову? Да он сам может дать Шэнь Цинжань все, что та пожелает — хоть звезду с неба достать, хоть луну принести! У него в подчинении многотысячная армия! А у этого кузена она

есть?!

— А могу я как-нибудь повидаться с твоим братом? — искренне спросил Сюэ Фэйфэн, подыгрывая Шэнь Цинжаню. — Мне бы хотелось поблагодарить его лично.

Он всерьез опасался, что под маской "двоюродного брата" скрывается тайный поклонник из прошлого, еще с тех времен, когда Шэнь Цинжань жила дома.

Сюэ Фэйфэн уже напрочь забыл, каким всеобщим посмешищем был Шэнь Цинжань, когда только появился в деревне. Теперь ему казалось, что его маленькая «женушка» настолько прекрасна, что появление завистников и тайных воздыхателей просто неизбежно. Сюэ Фэйфэн был полон решимости задушить эту угрозу в зародыше.

Шэнь Цинжань запнулся: «Он живет в городе».

Сюэ Фэйфэн:

— В следующем месяце мне как раз нужно будет выехать из деревни в город.

Шэнь Цинжань: «...»

Сюэ Фэйфэн был настроен слишком решительно, отмахнуться не выйдет. Если он сейчас не согласится, это будет выглядеть подозрительно, и неясное происхождение этих двух коров принесет ему лишь новые проблемы.

Ну ладно.

Один раз отмучиться — придется притворяться!

<http://bllate.org/book/17933/1960833>